

ВАЛЕРИЙ КОРОВИН

КОНЕЦ ЕВРОПЫ

ВМЕСТЕ С РОССИЕЙ
НА ПУТИ
К МНОГОПОЛЯРНОСТИ

Валерий Коровин

**Конец Европы. Вместе с Россией
на пути к многополярности**

«Алисторус»

2023

УДК 82-84
ББК 84.3

Коровин В. М.

Конец Европы. Вместе с Россией на пути к многополярности /
В. М. Коровин — «Алисторус», 2023

ISBN 978-5-00180-850-3

Сегодня европейцы всё чаще задаются вопросом «кто мы?» Европа стала заложницей глобалистских проектов, вылившихся в чудовищные постгуманистические эксперименты над человеком, толкающие её к доминированию бесполой клонов, выродившихся мутантов и обезчеловеченных киборгов. Европа нынешняя зашла в концептуальный тупик, пройдя по пути расчеловечивания и подойдя к самому краю пропасти. Излечить столь запущенную болезнь обычными средствами, похоже, уже невозможно. Умирающей и разлагающейся Европе поможет лишь чудо. Русское чудо. Если что и может спасти Европу, так это Россия, несущая «свет с Востока». Возвращение России на глобальную мировую арену, сворачивание однополярного проекта и рост влияния евроскептиков запустили процессы масштабных преобразований во всём мире. Всё это способствует становлению новой модели — многополярного мира. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 82-84
ББК 84.3

ISBN 978-5-00180-850-3

© Коровин В. М., 2023
© Алисторус, 2023

Содержание

Введение	6
Начало конца	9
Индивид – как отправная точка кризиса	10
Разум, породивший чудовищ	12
Фундаментальный сбой системы	14
Глава 1	15
Европа под властью Вашингтона: богатый богатеет	18
Выход из ДОВСЕ. Запад не договороспособен[8]	19
Плохая мина при плохой игре	21
Воздействие США на Европу	23
Британия грозит: блокировать, запретить, изолировать	25
Дружба себе в убыток: отказ от сотрудничества с НАТО	28
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Валерий Коровин

Конец Европы. Вместе с Россией на пути к многополярности

*[Грядёт] конец Европы, как монополиста культуры, как
замкнутой провинции земного шара, претендующей быть вселенной.*
Н.А. Бердяев

На обложке картина «Аполлон в силах», авторы Алексей Беляев-Гинтовт и Андрей Молодкин.

© Коровин В.М., 2023

© ООО «Издательство Родина», 2023

Введение

Любой человек, который хоть сколько-нибудь интересуется мировыми процессами, следя за новостями из Европы, наверное, не раз приходил к мысли, что с нынешней Европой что-то не так. И вроде формально пока всё на своих местах: Европейский союз ещё довольно крепок и остаётся в лидерах экономического развития, европейские города довольно безопасны, у Европы есть покровитель в лице США, а НАТО по-прежнему остаётся самым крупным военным блоком, прикрывающим Европу от внешней агрессии. И всё же что-то нас тревожит.

Наблюдая за происходящим в Европе и сверяя её нынешний образ со сложившимися в нашем сознании стереотипами, мы всё чаще замечаем, что между «Европой нашей мечты» и Европой актуальной существует некоторый зазор, пусть пока и едва уловимый. Но на самом деле облик нынешней Европы меняется довольно стремительно. В том числе, и внешний.

Мы всё ещё уверены, что и сами являемся частью европейской цивилизации. Но глядя на лица «новых европейцев», видим, как изменились их черты, одежда, повадки, как на глазах меняется поведение тех, кто пополняет ряды обитателей традиционных европейских столиц. И чем больше там мусульман, чернокожих, арабов, тем больше коренные жители европейских городов беспокоятся о собственной безопасности.

Конечно, Европа всё ещё сильна своей культурой, своими традициями демократии, свободы, равенства и прав человека. Но достаточно ли привлекательны эти ценности для тех, кто прибывает туда сегодня, причём в довольно большом количестве? Готовы ли вновь прибывшие, как и раньше, жадно впитывать в себя европейскую культуру, учить языки и усваивать ценности европейской демократии, принимать на себя новую идентичность, в конце концов отказываясь от прежней?

Европа не стоит на месте, развивая и совершенствуя те ценности, которые начали складываться там ещё в Новое время, в эпоху Просвещения, и сформировали столь привычный нам образ современной (Модерн) Европы. Европейские свободы достигли пика своего раскрепощения, открытость иным культурам оформилась в мультикультурализм. Демократия дала равные возможности всем, включая приезжих, а знаменитые европейские права человека уравнивали тех, кто приезжает в Европу из других регионов планеты, с теми, кто всегда жил там, формируя ценности европейского гражданского общества.

Сегодняшний эталонный европеец настолько свободен и раскрепощён, что у него отсутствуют даже половые ограничения, представляющиеся в нынешней Европе некоей уходящей в прошлое архаикой. Быть по настоящему свободным – это окончательно отбросить «предрасудки», связанные с гендерной фиксацией в образе мужчины или женщины. Гендер в нынешней Европе, впрочем, как и всё остальное, больше не является неизменной данностью, а определяется исключительно личным выбором.

Но как относятся к такой свободе те, кто ещё вчера жил в условиях жёстких религиозных ограничений? Как воспринимают открывшиеся возможности женщины, прибывающие из стран, где весьма силён мусульманский обычай, или мужчины, строго соблюдающие традиции своих предков? Готовы ли они вот так, сразу, отказаться от всего, что мешает их раскрепощению? Действительно ли так привлекателен для них образ нынешнего эталонного европейца, свободно распоряжающегося не только своим телом, но и своей гендерной идентичностью? И не создаёт ли это некоторой напряжённости между этими двумя мирами, пусть, казалось бы, и двигающимися навстречу друг другу?

Да, Европа богата и экономически куда более развита по сравнению с теми странами, откуда большими и малыми потоками прибывают новые её жители, пополняя ряды, как кажется европейским бюрократам, будущих налогоплательщиков и потребителей качественных европейских товаров. Но на их адаптацию к условиям европейского общества, языко-

вым законам и культурным особенностям нужно время. Европейская система готова подождать, предоставляя вновь приехавшим временное жильё и минимальный социальный пакет. Но как относятся к этому «аттракциону невиданной щедрости» коренные европейцы, трудами и налогами которых складывается европейское благосостояние, за счёт которого осуществляется социальный эксперимент по поддержке и интеграции в европейское общество вновь прибывших?

И самый, пожалуй, глубинный вопрос, который не даёт покоя сегодня не только самим европейцам, но и тем, кто ментально связывает себя с европейской культурой и европейской цивилизацией, – а кто есть на сегодня те самые «коренные» европейцы? Каков их эталонный образ – культурный, интеллектуальный? Что вообще значит сегодня быть европейцем? Что должен представлять собой европеец, какими качествами и характеристиками обладать? И насколько этот образ конкурентоспособен в сравнении с теми представителями иных цивилизаций и культур, что пополняют сегодня Европу? Так ли он привлекателен для них, и готовы ли они отказаться от своей идентичности в пользу идентичности европейской?

Европейский союз продолжает совершенствовать свою бюрократическую систему, приняв в свои ряды даже те государства, которые ещё вчера входили в противостоящий западному проекту идеологический блок. Но что движет новыми членами ЕС – желание приобщиться к общей европейской культуре, к европейскому пониманию законности, торжества права, незыблемости демократических идеалов и привлекательности европейских свобод? Или же ими движет сиюминутная конъюнктура, стремление к европейским «благам», желание получить субсидии и финансовые преференции? Так ли искренен порыв новых членов Европейского союза стать частью европейской цивилизации, или же их евро-энтузиазм пропадёт, как только уменьшатся объёмы финансовых вливаний в их экономику?

А как воспринимать попытки некоторых стран вообще выйти из ЕС? Насколько серьёзен вызов незатухающих десятилетиями, а порой даже столетиями, сепаратистских тенденций внутри столь единой и монолитной, как кажется извне, Европы? Сколь жёсткими окажутся последствия британского Брексита и удержит ли Испания Каталонию, а Британия Ирландию и Шотландию? И не разойдутся ли, в конце концов, Север и Юг Италии?

Ну и как же обойти вниманием роль США в судьбе Европы. Что для Европы Америка: благодарный за европейские ценности отпрыск, порождённый когда-то европейской цивилизацией; верный союзник, всегда готовый прикрыть тех, кто его породил своей военной и дипломатической мощью? Или же новый хозяин, безраздельно властвующий на европейском континенте и порой воспринимающий старушку Европу как свою новую колонию, как объект для эксплуатации и рынок сбыта американских товаров?

Вопросов действительно много, и всякий раз, когда мы ими задаёмся, нам всё труднее найти на них ясный и чёткий ответ, всё сложнее с уверенностью заявить – Европа всё так же сильна и привлекательна, все испытания, что выпадают на её долю сегодня, она безусловно и с лёгкостью преодолеет. Вряд ли с такой же уверенностью на все поставленные нами вопросы ответит и сам коренной европеец, ежедневно лицом к лицу сталкивающийся с теми вызовами и проблемами, о которых и пойдёт речь в нашей книге.

Самое же важное, что действительно волнует всех нас, не только живущих в Европе, но и наблюдающих за происходящими трансформациями со стороны – устоит ли Европа перед теми вызовами, с которыми столкнулась? Не означает ли, например, выход Британии из ЕС начало распада самой этой политической конструкции? И сможет ли Европа справиться с тем миграционным кризисом, который переполнил чашу европейского терпения? Ассимилирует ли европейская цивилизация вновь прибывших, либо же сама станет объектом ассимиляции? Сдержит ли натиск Ковида и других, последующих вирусов, которыми уже сейчас грозят глобалистские идеологи, справится ли с их последствиями и уже произошедшими изменениями? Устоит или рухнет?

Единственное, что не вызывает никакого сомнения, это то, что Европа на наших глазах переживает серьёзные цивилизационные трансформации, последствия которых скажутся не только на ней самой, но и на ситуации во всём мире. Ведь Европа – это действительно источник многих цивилизационных проектов, географическая ось всех индоевропейских цивилизаций, культурная матрица множества государств и народов. И от того, устоит Европа или же окончательно разложится под гнётом нарастающих внутренних и внешних вызовов, зависит то, в каком мире мы будем жить завтра. Наступит ли в итоге конец Европы как самостоятельной, самобытной, эталонной для многих цивилизации, и если это всё же произойдёт, то когда?

Ну и, наконец, вопрос, который кому-то может показаться странным, но который, тем не менее, не может не беспокоить русского человека: чем и как *мы* можем помочь Европе? Вот об этом и постараемся поговорить, уделяя внимание не только событиям и фактам, но и, что немаловажно в нынешнем мире, переполненном информацией, их *интерпретациям* и *трактовкам*. Понять Европу, чтобы спасти Европу – вот наша сверхзадача, разрешению которой мы и посвятим данную книгу. Но спасать следует, очевидно, не любую Европу, тем более, не нынешнюю, а ту, какой она была прежде, и какой она *должна быть*.

Начало конца

События, разворачивающиеся на наших глазах в Европе, не могут не беспокоить. Неконтролируемая миграция, экономический кризис, рост социального напряжения и, как следствие – беспорядки и террористическая активность на фоне падения уровня жизни и, что особенно фатально – *расчеловечивания* жителей европейского континента. А это потеря всякой идентичности, вплоть до половой. Жёсткие ювенальные законы, легализация усыновления детей однополыми парами, разращение детей ещё со школы, раскрепощение сексуальных инстинктов чуть ли не с детского сада – вот лишь некоторые недуги, свидетельствующие о тяжёлой болезни европейского общества. Европа индоевропейской цивилизации по сути прекратила своё существование. На смену ей грядёт пост-Европа биомеханоидов, которой всё человеческое – в привычном ещё недавно традиционном смысле – чуждо. Больше нет ни Традиции, ни воли, ни ума, определявших Европу Модерна. Ни даже человека как такового. Впереди кошмар неопределённости и кризис настолько тяжёлый, что возникает логичный вопрос – а можно ли ещё спасти привычную нам Европу, и вообще есть ли ещё там что спасать?

Понятно, что проблемы Европы имеют множество аспектов. Но что следует взять в качестве отправной точки назревшего к сегодняшнему дню глобального европейского кризиса? Не определив его начальную точку, трудно будет выявить источник возникшего сбоя, а значит, и разрешить всё то нагромождение проблем, что мы имеем на сегодняшний день.

Индивид – как отправная точка кризиса

Начать отсчёт нынешнего европейского разложения стоит, пожалуй, с возникновения такого порочного в самой своей сути явления, как индивид, порождённого либеральным представлением о человеке. От эпохи Нового времени, с её Просвещением и Французской революцией, а ещё раньше – от философских размышлений о жизни без Бога и нужно вести отсчёт всем нынешним проблемам Европы. Там корни и потери идентичности европейскими народами, и половой раскрепощённости, и неконтролируемой миграции, неизменно сопутствующим атрибутом которой является терроризм, словом весь основной комплекс европейских недугов и проблем. Основная проблема нынешней Европы возникла в начале Модерна с его политической антропологией, приравнивающей человека к индивидууму и рассматривающая его как чистый лист бумаги. На который всё наносится путём общественного воспитания и социального воздействия¹. Принципиальным моментом такого подхода – рассмотрения человека в качестве чистого листа, – является то, что он полностью игнорирует любые коллективные идентичности. Будь то этническая, религиозная, культурная или расовая идентичность. Если же её присутствие и признаётся, то воспринимается как нечто отживающее, как некий атавизм, наследие несовершенного человека на пути к новому человеку – прогрессивному и просвещённому, формируемому рассудочным обществом Модерна как бы с нуля. Как определяет это французский философ Ален де Бенуа, «идеология прогресса – это идеология рационалистическая, предающая большое значение технологии и науке, поскольку им внутренне присуще производить новое. В результате мы имеем исчезновение сакрального, обеднение традиций, обычаев. Это явление Макс Вебер назвал “расколдованный мир”. Это – царство расчёта и количества. В нём количество заняло место качества. И поскольку человечество понимается здесь как нечто принципиально единообразное, то отсюда следует принудительная гомогенизация мира. Таковы в самых общих чертах основные свойства Модерна»². Вот на этой политической антропологии и основана структура того общества, которое породило понятие «гражданин». Именно «гражданин» как индивид, атомарная единица, чистый лист, исписанный в процессе общественного воспитания, и является политическим выражением всей антропологии Модерна, породившей современную – Modern – Европу со всем набором фатальных ошибок.

Сегодня *гражданин* – это очищенный от всякой коллективной идентичности *индивидуум*, получивший пакет бумаг и удостоверений для проживания в той или иной стране. Но не просто в абстрактной стране, а в той, которая представляет собой ещё один продукт Модерна и определяется как *государство-нация*, а именно, государство, отделённое от Традиции, религии и иных коллективных идентичностей, и как следствие лишённое нематериальных, метафизических, эсхатологических целей. То есть, это уже не традиционное государство-империя с его идеалистическими и религиозными мотивами, но государство *не традиционное*, главной социальной категорией которого и становится очищенный от коллективных идентичностей индивид – гражданин, в множестве своём порождающий следующее явление Модерна – *гражданское общество*.

Всё перечисленное выше порождено Модерном, возникшим на отрицании всего нематериального – в первую очередь Бога, религии, Традиции, и т. д. несколько столетий назад. Индивид, гражданин, государство-нация, гражданское общество – всё это по сути плоды сознания европейских философов XVI и последующих веков. Описанная система ценностей создана

¹ См. Локк Дж. Мысли о воспитании (1691) // Соч. в 3 т.: Т. 3. – М.: Мысль, 1988.

² Бенуа де А. Четвертый номос Земли, Четвертая Политическая Теория и критика теории прогресса (консервативная альтернатива либеральной глобализации) // <http://arcto.ru/article/1562>.

ещё тогда, но сбой она даёт именно сейчас. Беспорядки во Франции, теракты в Германии, террористически ячейки в Бельгии, половые извращения и иммиграционная вакханалия во всех странах Европы – следствие и своего рода фактологическое подтверждение абсолютной ложности того учения, которое возникло на отрицании изначальной Традиции. И, как мы видим, ничего хорошего оно человечеству не несёт, воочию демонстрируя свою несостоятельность и опасность.

Эта антропологическая концепция, основанная на абсолютизации индивидуализма, рано или поздно даёт фундаментальный сбой, порождающий огромное количество проблем, которые мы обозначили выше. Вы скажете: но это всё и есть *развитие*, ведущее к *прогрессу*! Что ж, прекрасно, значит, Европа не разлагается и не загнивает, а прогрессирует, и как передовой островок реализации всех возможных благ Модерна, прогресса и развития, пребывает в состоянии мира, достатка и благоденствия. На этом книгу можно закрывать и наслаждаться окружающей действительностью самого развитого и прогрессивного из человеческих обществ. Если же вам кажется, что с Европой всё же что-то не так, тогда продолжим...

Разум, породивший чудовищ

Согласно изложенной модели европейской политической антропологии, любой человек – любого цвета кожи, любой культуры, любого языка, – попадая в западное общество, автоматически становится его типовым элементом. Теоретически он становится точно таким же, как и все остальные – этого требует от него концепция гражданского общества и атомизированного гражданина как субъекта государства-нации. Вся законодательная база европейских стран настроена таким образом, что оперирует именно этими категориями. Гражданин здесь – атомарный субъект гражданского общества, механически сложенного из множества индивидуумов. Любые претензии предъявляются к индивидууму как к гражданину, как к некоей атомарной личности в отрыве от того, что это за гражданин, какую религию он исповедует, к какому этносу принадлежит. Ибо наличие иных, коллективных идентичностей, свойств, представлений – законом, правовой системой, самой сутью Модерна – не предусмотрено. А они есть.

Если в рамках данной европейской теории, основанной на политической антропологии Модерна, рассмотреть нынешний иммиграционный кризис в Европе, то он разрешается в два счёта. Собственно, никакой проблемы вообще нет. Теоретически должно быть так: когда представители арабского мира, Магриба, центра африканского континента, Китая или, например, Турции попадают в европейские страны, они, автоматически, как бы волшебным образом, очищаются от всех своих предыдущих свойств. То есть, как будто обнуляются и заново перезагружаются. С точки зрения чистого европейского рассудка, пришедшего на смену Богу, от которого ради новой веры – Модерна – пришлось отказаться, новые жители Европы, очистившись от всего «старого», превращаются в пустой кластер. Этот обнулённый индивид, как считает европейский разум, после «перезагрузки» готов с чистого листа впитывать в себя европейские ценности. Сами же эти ценности – плод философских изысков Модерна, – доведены до совершенства за три-четыре столетия европейской истории разумом, сменившим Бога. Все они зафиксированы в европейском правовом пространстве, в социальном и культурном поле в виде чётких и однозначно понимаемых кодов рационального рассудка. Единственная проблема заключается в том, что такое «обнуление» и «перезагрузка» новых европейцев происходит только в головах европейских бюрократов, механически фиксирующих прибывших на пограничных пунктах и собирающих статистику в миграционных центрах.

По представлению евробюрократов, встав на все виды учёта и довольствия, изучив тот или иной европейский язык (плюс обязательно английский) и устроившись на работу, вновь прибывшие иммигранты превращаются в типовых граждан европейских государств и добросовестных налогоплательщиков-потребителей. Получив соответствующие паспорта, они становятся «французами», «немцами», «итальянцами», «норвежцами», и с юридической точки зрения, это уже абсолютно такие же, как и все остальные (при наличии всех правильно оформленных документов и соблюдении всех формальностей) европейцы. Если у человека есть паспорт и шенгенская виза – он (формально) европеец, которого никак нельзя отличить от другого европейца, предки которого испокон веков жили в Европе – во Франции, Германии или Швейцарии. Между ними нет юридического различия – так видит это европейская правовая машина. Ну и в чём здесь проблема? Где, спрашивается, кризис?

То, что не видно европейским чиновникам, работающим с бумагами, хорошо заметно на европейских улицах. Именно там бросается в глаза, что вновь прибывшие в Европу жители других континентов, представители иных рас и цивилизаций, даже с новенькими европейскими паспортами в кармане, конечно же, никакими «французами» или «немцами» в культурном, историческом, психологическом, ментальном смысле не становятся. Они остаются мусульманами, африканцами, арабами и представителями своих племён – то есть носителями именно тех коллективных идентичностей, которых в европейском понятийном пространстве

давно уже не существует. А раз не существует, то вести они должны себя как европейцы, загружая соответствующие ценности в свою очищенную (так это видится европейским чиновникам) память. Но вот незадача, эта память новоприбывших жителей Европы, почему-то оказывается не очищенной. Поэтому и ведут они себя как мусульмане, африканцы или турки. И живут они исходя из своей культурной идентичности, а не по требованиям европейского гражданского общества. Не становятся на учёт, игнорируют законы и ограничения. Получив пособия – не учат язык, а изучив – не идут устраиваться на работу. Работая – не платят налоги. Всё потому, что культурная и религиозная идентичность намного серьёзней, фундаментальней и глубже, чем нормативы и коды гражданского общества, принятые европейцами на веру в качестве общественного договора.

Столкнувшись с таким злостным игнорированием базовых парадигм европейского общества, основанного на незыблемости закона и абсолютности рассудочных установок объективной позитивистской действительности со стороны приезжих, само европейское право, исходящее в свою очередь из игнорирования любой коллективной идентичности, оказывается в состоянии ступора. А вслед за ним – одна за другой – выходят из строя политические системы европейских государств, построенные на незыблемости постулатов Модерна – атомарности гражданского общества государства-нации, политическом договоре и соблюдении прав человека как атомизированного гражданина без коллективных свойств. В результате рушится всё то, что до этого момента утверждалось как идеальная и универсальная – и не только для Европы, но и для человечества в целом – форма государственно-правового устройства. Сама идея Европы подвергается эрозии в своей основе. Ниспровергаются основы бытия современного (Модерн) мира. И всё из-за каких-то арабов, не желающих отказываться от своей идентичности, срывать с себя платки, сбивать бороды, не прекращающих забивать себе голову «писаниной» из Корана, и не стремящихся, как «все нормальные люди», лучшими из которых и являются европейцы, участвовать в гей-парадах после окончания работы и уплаты всех налогов.

Затем приезжие, которые никак не интегрируются в европейское общество, начинают представлять собой критическую массу, измеряемую теперь уже в категориях статистики. Мало того, обнаруживается, что те, кто, как казалось, давно интегрировался и проживает в Европе во втором, и даже третьем поколении, интегрировались весьма условно. Изучив требуемый язык, они продолжают сохранять свою культурную идентичность, оказываясь неуправляемой социальной группой, прекрасно ориентирующейся в системе европейского права и ценностей, ловко пользующейся всеми европейскими благами, при этом, ни во что их не ставя.

Нерастворённые массы приезжих создают анклав самобытного существования, живущим в которых совершенно наплевать на все социальные императивы европейцев. Поскольку для них европейские «достижения» отражают лишь опыт этого небольшого клочка человечества – Европы, – находящегося на периферии мировых процессов, если смотреть на них из других частей света. Вот пусть европейцы и соблюдают то, что для себя напридумывали. А, например, арабы не будут соблюдать, так как они не знают, кто такие Локк, Милль или Спенсер и почему их измышления должны быть выше Священного Писания – Корана и Сунн Пророка. Приехавшие не слышали ничего о гражданском обществе и плевать хотели на Модерн.

Настоящие коренные европейцы, помимо социальной модели, которую они создали и описали в формальных кодексах, несут в себе и заряд позитивизма, признающего только то, что установлено опытом или познано чувственно. Всё остальное – коллективная идентичность, вера, Традиция, метафизика, сакральность, Бог – не является для них фактом, они ставят всё это под вопрос. А вот арабы не ставят, поскольку их исторический опыт и устои – иные. И когда критическая масса этих инокультурных элементов достигает определённого пика, возникает тот самый когнитивный диссонанс всей европейской цивилизации.

Фундаментальный сбой системы

То, что сегодня происходит в Европе – это не просто миграционный кризис или неспособность бюрократической машины быстро оформить всех прибывших. Помимо миграционных проблем и угрозы терроризма Европа переживает серьёзный экономический кризис, а также социальную стагнацию, связанную со стремительным старением и неспособностью самовоспроизводиться. Европейская культура, сделавшая ставку на *современное искусство* тоже зашла в концептуальный тупик. Собственно, европейской культуры как таковой уже нет, она потоплена в примитивных американских культурных суррогатах массового потребления. Таким образом совокупность кризисов и представляет собой фундаментальный сбой всей европейской системы. И выйти из этого системного кризиса путём утихомиривания разбушевавшихся арабов, увеличения темпов роста экономики или выдачей пособий на новорожденных уже невозможно. Сбой произошёл на уровне парадигмы – Модерн исчерпал себя, и его производные больше не работают.

Глядя на бьющуюся в конвульсиях Европу, со всей очевидностью вдруг становится ясно, что европейская ценностная парадигма более не действует. Модерн не работает – и всё! Можно его штопать, можно пытаться сохранить европейские «ценности» изо всех сил, но, по большому счёту, их уже не спасти. На наших глазах в сегодняшней Европе приходит конец западноевропейской политической антропологии. А на поверхность снова всплывает то, что считалось преодоленным, забытым, изжитым ещё на заре Нового времени – фактор этноса, Бога, религии, коллективной идентичности как таковой. Да, в нынешней светской Европе этнос и религия формально тоже могут существовать, но... только как индивидуальное предпочтение гражданина, как его индивидуальный выбор, как личная прихоть, без какого бы то ни было коллективного и социального измерения. Да, формально религия в Европе не запрещена, но вот уже как пару столетий она не существует там в качестве социального явления. Религии как коллективной идентичности давно нет. А сейчас на религию уже начаты и открытые гонения, вопреки законодательным установкам, считающимся «устаревшими».

Политическая антропология светской Европы трещит по швам. Конечно, Европа ещё может перейти к другим формам развития собственной цивилизации, к другой политической антропологии. Но вот к какой – этот вопрос пока остаётся открытым, и мы здесь лишь попытаемся нащупать самые общие контуры этих форм, основанных, возможно, на реабилитации того, что с такой поспешностью уже было поругано и забыто. Увлечшись своими философскими изысками, мыслители Модерна полностью выхолостили европейскую идентичность, очистив её от Традиции, в исступлении оттачивая позитивистский, прогрессистский и материалистический дискурс до совершенства, как раз через критику других форм политической антропологии. Через полное отрицание Бога и Традиции как таковой, через стирание этнической и всех иных форм коллективной идентичности.

Конец Европы разворачивается на наших глазах, и происходит это быстрее, чем многие ожидали. Пока некоторые с остервенением рвались в Европу, мечтая причаститься её достижений, прогресса, цивилизации, вождедая именно той Европы, которую мы знали последние столетия, эта самая Европа закончилась. Пришла в упадок и рассыпалась, превратившись в глиняные черепки. Какой будет новая Европа и будет ли она вообще? Пока ещё возможна реставрация утраченной в процессе безудержной модернизации традиционной Европы. Европы народов. Европы Традиции. Всё это перспектива. Но сегодня Европа умирает. Причины ее смерти уходят корнями в глубь веков, к началу Нового времени и эпохи Просвещения. Но обо всём по порядку...

Глава 1

Под американским сапогом

Начнём, пожалуй, с актуальной повестки, а именно, с европейско-американских отношений. Но прежде чем взяться за их оценку, необходимо хотя бы в общих чертах обрисовать тот глобальный проект, который с момента завершения Второй мировой войны реализовался под предводительством США, ставших главным бенефициаром двадцатого столетия, с двумя его кровопролитными мировыми войнами и крахом советского лагеря. Объявив себя победителями в Холодной войне, американцы, прежде оккупировавшие часть Европы (которая, впрочем, в итоге досталась им целиком), провозгласили наступление так называемого «Американского века»³. По замыслу американских стратегов, финальной стадией его завершения в качестве некоей данности должен был стать *однополярный мир*, выражающий собой ни что иное, как всеобщую, мировую систему ценностей, единое политическое пространство и универсальную мировоззренческую модель, выстроенную на основе американского и – шире – западного цивилизационного опыта, объявленного идеальным и универсальным. Всё это должно было быть реализовано и воплощено в универсальную общемировую модель, подразумевающую *глобальную доминацию США* в планетарном масштабе.

И всё же суть глобализации, что следует подчеркнуть особо, кроется не в силовом, жёстком и открытом покорении государств и народов, что было свойственно прежним, более *тёмным*, с точки зрения современного Запада временам. Основа глобального доминирования выстраивается в первую очередь на принятии западной системы ценностей, своего рода эпистемы⁴ западных смысловых кодов. Запад создал эту систему смысловых кодов, прежде чем заявить о своем глобальном доминировании. Именно они определяют скрытую и глубинную структуру мышления, свойственного западной культуре, западной цивилизации, её историческому опыту. Такая структура мышления формирует надындивидуальный порядок восприятия и интерпретации всего – начиная с представлений о Боге, религии, философии, науки, культуры, и заканчивая экономикой, хозяйствованием и бытовым укладом. Это фундаментальные языковые коды Запада, схемы восприятия всего, иерархии практик, с помощью которых можно дать оценку не только происходящим событиям и явлениям, но и создать любую, производную из западной системы ценностей, локальную смысловую или прикладную модель. Проще говоря, Запад там, где есть носители его смысловых кодов, не только понимающие их, но и разделяющие, исповедующие их, использующие их везде, во всех отраслях. Запад там, где доминируют его смыслы и ценности, и чем шире их охват, тем глобальнее Запад, тем ближе законченность и полнота глобализации.

В практической плоскости глобализация распространяется через *навязывание* западной эпистемы. Например, сначала западные подходы навязываются *международным инстанциям*. Только после этого можно утверждать, что они подконтрольны Западу. Через насаждение западных идеологем⁵ и смыслов, в конечном итоге, происходит *установление стратегической гегемонии над миром*. Было бы заблуждением считать, что это осуществляется через открытое подавление и насилие, что являет собой лишь элемент технологии глобализации, прикладной инструментарий, набор технических мер воздействия, используемых только на завершающем

³ Целью концепта является продвижение американского глобального лидерства. В его основе лежит точка зрения части американских элит, которые уверены что американское лидерство одинаково хорошо как для Америки, так и для всего мира.

⁴ Эпистема есть обусловленное исторически культурно-когнитивное понимание, совокупность правил и отношений в конкретных месте и времени, формирующих условия существования исторических форм культуры и знания. Эпистема включает набор дискурсивных практик, создающих аппарат производства знания.

⁵ Идеологема – эмоционально окрашенный квант идеологии, её составляющая единица, фрагмент.

этапе, как последний аккорд для утрированного подчёркивания состоявшейся победы. Сначала победа глобализации происходит в умах интеллектуальной элиты, культурного и экспертного сообщества, медиа, и уж затем, в самом конце, становится достоянием масс. Последние же очаги несогласных, активного сопротивления, неприятия глобализации – жёстко и демонстративно подавляются в назидание и подтверждение правоты тех, кто сделал ставку на глобализацию, выбрал западную систему ценностей, присягнул *единому американскому миру*.

Так видят мир западные стратеги глобализма. Отсюда вытекает новая стратегическая доктрина США, предполагающая такие меры воздействия, как односторонняя интервенция, когда Америка и её союзники начинают операцию подавления несогласных, не спрашивая ни чьего мнения. А у кого спрашивать, если источник смыслов, глобальных стратегий и всех вытекающих из них решений – это и есть сам Запад с центром в Америке? Отсюда такие понятия, как «ограниченный суверенитет», необходимая только для создания видимости остаточная функция старого, вестфальского мира с его устаревшими, не глобалистскими, а значит заведомо списанными глобалистами в утиль, ценностями и подходами. Чего стоит боденовский⁶ суверенитет – концепция XVI столетия, – в мире, где как раз таки сложилась та самая высшая инстанция, источник целей и смыслов, определяющая всё высшая воля, приравнявшая себя к Богу, которая не допускает и мысли о том, что кто-то будет действовать самостоятельно и без её ведома. Это «новый порядок» по-американски, основные параметры его описаны, утверждены, приняты по умолчанию. И горе тому, кто попытается их оспорить.

Так видят глобальный мир его теоретики, так мыслил его, например, американский геостратег Збигнев Бжезинский, создавший геополитическое обоснование глобализации. Так представляет себе мир Пол Вулфовиц, американский экономист и политик, написавший «Руководство по оборонному строительству», где он впервые изложил принципы американской гегемонии в однополярном мире, утверждаемом как данность. Такой подход навязывает миру Дик Чейни, военный и политический деятель, бывший вице-президент США, сторонник жёсткого и окончательного подавления всякого несогласия с американским превосходством и глобальным доминированием. Этому же подхода придерживается американский ястреб Дональд Рамсфелд, идеолог вторжения в Афганистан, Ирак и в целом на Ближний Восток, в чью бытность министром обороны США был принят к реализации план «Великий Ближний Восток», разрушивший стабильность целого региона планеты. Подобных взглядов придерживаются многие другие теоретики и идеологи ползучей глобализации. Главное, что всех их объединяет, это абсолютное мессианство и одержимость идеей глобализма, фанатичная, религиозная вера в исключительность Америки и «благую» предопределённость её цивилизаторской миссии. Операции против Афганистана, Ирака, Ливии и Сирии – это шаги на пути к глобализации, которые были призваны продемонстрировать решимость Вашингтона утвердить «Американский век», ведущий Запад под предводительством США к глобальному и неизбежному доминированию.

Стоит ли удивляться тому, что Европе в этой картине мира отводится второстепенная роль своего рода берегового форпоста на западе Евразии, через который и должна осуществляться основная экспансия глобализма на евразийский континент. Не самая последняя роль, особенно, если учесть тот факт, что, например, России в глобалистском проекте вообще никакой роли не отводилось. Для группы стратегов «Американского века» Россия и есть конечная цель, главное препятствие, которое стоит на пути глобализации, и которое, в конечном итоге, необходимо преодолеть. Для глобалистов «хороший русский – это несуществующий русский», «хорошая Россия – ослабленная, расчленённая, не существующая Россия». Так что в этом смысле Европе ещё «повезло». Её, конечно, используют, но пока хотя бы не стирают из реальности. Мессианство и одержимость глобалистов, порой, поражает воображение и в какой-

⁶ Жан Боден, создатель концепции суверенитета, которая положена в основу Вестфальской системы мира, состоящего из суверенных национальных государств.

то степени даже вызывает восхищение последовательностью и волей, с которыми они воплощают свои замыслы. Но реальность, как правило, даёт сбои, приводит к издержкам, порождает энтропию и саботаж. В конце концов, любая воля рано или поздно сталкивается с другой, противостоящей ей волей. В этом и заключается суть истории. Об этом и поговорим в данной главе.

Европа под властью Вашингтона: богатый богатеет

Пока Европейский союз сотрясают внутренние передраги, экономическая стагнация, брексит, миграционный кризис и COVID-19, главная цивилизационная альтернатива – Евразийский союз – расширяется и набирает вес. Расширение Евразийского союза – это не только необходимость в условиях глобального экономического кризиса и введенных против России санкций, но и демонстрация Россией её возможностей выстраивать отношения с новыми союзниками, в то время, когда отношения с Западом ухудшаются день ото дня. Однако евразийская интеграция большого пространства вовсе не означает изоляцию Европы от этого процесса. Скорее она представляет собой альтернативную модель интеграции в условиях многополярного, а не однополярного мира.

Все помнят тезис Владимира Путина о необходимости создания единого пространства от Лиссабона до Владивостока. При этом Путин, в отличие от предшествующих популяризаторов данной формулы⁷, делает акцент на экономике. Но из теории *автаркии больших пространств* немецкого экономиста Фридриха Листа следует, что разные в своём экономическом развитии субъекты не могут полноценно интегрироваться. Потому что в равных условиях бедные ещё больше беднеют, а богатые ещё больше богатеют. Из этого следует, что экономическая интеграция Европы, которая представляет собой колосса на глиняных ногах – гипертрофированно развитый в экономическом смысле субъект, – и России, чьё экономическое развитие всё ещё оставляет желать лучшего, невозможна без потерь для России. Так же как невозможна интеграция в европейское экономическое пространство постсоветских государств без ослабления и, в конечном счёте, «высасывания» их экономического потенциала.

Чтобы говорить об интеграции с Европой, необходимо повысить экономический уровень до категории европейского хотя бы в первом приближении, а это возможно лишь путём создания сначала евразийского экономического пространства. Что и реализуется Россией с января 2015 года в формате Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Только в случае объединения близких по своему уровню развития экономик возможен рост, который позволит в дальнейшем говорить об интеграции уже с Европой. Но здесь необходимо сделать одну оговорку: на данный момент сама Европа находится под властью Вашингтона, делая акцент на неравном, в пользу Америки, трансатлантическом союзе. По сути США вырвали Европу из евразийского проекта – объединения от Лиссабона до Владивостока, и продолжили её экономическую эксплуатацию в колониальном формате.

Конечно, у России есть временной задел, чтобы поднять свою экономику до европейского уровня в рамках ЕАЭС, и введенные против России экономические санкции этому лишь способствуют: начинается процесс полномасштабного импортозамещения, а высокий курс доллара и евро стимулирует внутреннего производителя. Но одновременно с этим Европе надо попытаться освободиться из лап США. Именно в тот момент, когда два этих события будут наложены друг на друга возможно будет вернуться к вопросу о полноценной экономической интеграции России и Европы. Пока же интеграционные процессы, инициированные Россией, ориентированы на те экономики, которые по своему уровню не сильно отличаются от российской.

⁷ См. например: Тириар Ж. Евро-советская империя от Владивостока до Дублина // «Элементы», № 1, 1992; «Европа от Атлантики до Урала – это вся Европа, которая решает судьбы мира». (Шарль де Голль, Страсбург, 1959).

Выход из ДОВСЕ. Запад не договороспособен⁸

На фоне развития евразийского экономического проекта Россия полностью вышла из участия в Договоре об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ)⁹. Российская Федерация уже приостанавливала действие Договора в 2007 году. Однако такой шаг Москвы не означает полного прекращения диалога о контроле над обычными вооружениями в Европе. Но вернуться к нему можно будет только тогда, когда до него созреют наши «партнёры». Почему же российские военные перестали видеть перспективы в ДОВСЕ? Россия вышла из ДОВСЕ, в том числе и по экономическим соображениям. Хотя бы потому, что даже участие в переговорах с экономической точки зрения крайне затратно. Да к тому же, как показало время, ещё и бесперспективно. На организационные мероприятия тратились немалые средства, но всё заканчивалось зачитыванием одних и тех же установочных документов и обсуждением повестки дня.

По сути, этот договор все последние годы фиксировал лишь отступление России и наступление Запада. Из всех участников договора – только Россия соблюдала его пункты и приводила состояние своих вооружённых сил в соответствие с условиями договора. Все остальные государства, в первую очередь прямые союзники США, даже не собирались этого делать. Уж не говоря о том, что в блок НАТО вошли такие государства, как Латвия, Литва, Эстония и Словакия, которые вообще не подписывали данный договор, потому что на момент его подписания они как самостоятельные геополитические субъекты просто не существовали. С их выходом из советского блока у наших границ образовывалась своего рода «серая зона», в которой альянс мог концентрировать неконтролируемые объёмы обычных вооружений, что и происходит на наших глазах. По сей день повсюду в Восточной Европе создаются штабы НАТО, а в перечисленные страны перебрасывается американская военная техника. Сам же этот договор был изначально ориентирован именно на то, чтобы связать руки России, заставить её, как сторону, которая соблюдает договора, отступить, чтобы дать возможность странам Запада придвинуться к нашим границам. Хотя мы-то по наивности считали, что идея была в другом: соблюсти баланс сил в момент, когда СССР решил вывести западную группу войск из Германии. ДОВСЕ должен был зафиксировать *невведение* на освобождающиеся территории обычных вооружений стран Запада и в первую очередь НАТО. Чего по факту не произошло. НАТО расширялось, перемещая свои границы на восток. В итоге, ничего кроме ограничений и потерь этот договор России не дал. Россия вышла из него, и этот результат, учитывая высокомерные подходы Запада, был предопределён практически с самого начала – с момента распада СССР.

Следующий логичный шаг – это выход России из ДРСМД¹⁰, хотя бы в силу того, что Запад под предводительством США вообще потерял какую-либо договороспособность. Сегодня мы видим: западные политики понимают только силу. Стоило России лишиться своего значитель-

⁸ Подготовлено на основе интервью радиостанции Sputnik, 10 марта 2015 г.

⁹ Договор об обычных вооружённых силах в Европе (ДОВСЕ) был подписан 19 ноября 1990 г. в Париже полномочными представителями шестнадцати государств-участников НАТО (Бельгия, Великобритания, Германия, Греция, Дания, Исландия, Испания, Италия, Канада, Люксембург, Нидерланды, Норвегия, Португалия, США, Турция и Франция) и шести государств-участников Организации Варшавского договора (ОВД) (Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, СССР и Чехословакия) и вступил в силу 9 ноября 1992 года. Договор устанавливал равновесие обычных вооружённых сил государств – участников двух военно-политических союзов на более низком уровне, одновременно ограничивая возможности размещения обычных вооружений вдоль линии соприкосновения между блоками и препятствуя, таким образом, созданию потенциала для внезапного нападения и ведения крупномасштабных наступательных действий в Европе. 10 марта 2015 года Российская Федерация приняла решение приостановить с 11 марта 2015 года своё участие в заседаниях Совместной консультативной группы. Таким образом, объявленное Россией в 2007 году решение приостановить действие ДОВСЕ становится полным.

¹⁰ Договор о ликвидации ракет средней и меньшей дальности. После нескольких взаимных обвинений в нарушении ДРСМД стороны в феврале 2019 года заявили о приостановлении соблюдения своих обязательств. 4 марта 2019 года «В связи с нарушением США своих обязательств» в России был подписан указ о выходе из ДРСМД // <https://russian.rt.com/russia/article/607849-putin-drsm-d-ssha-rakety>

ного военного присутствия в Европе, с ней тут же перестали считаться, а все разговоры, как и любые договорённости заканчиваются исключительно в пользу Запада по формуле: «Мы выигрываем, вы проигрываете, подпишите здесь». Все договора, в которых Россия по сей день участвует, действуют именно по такой модели. Запад не устаёт повторять о том, что мы должны соблюдать свою часть договоров, отводить, сворачиваться, убираться вон, но совершенно не торопится делать это со своей стороны. Поэтому выход из любых договоров с Западом является вполне закономерной и действенной мерой в силу того, что Запад просто не соблюдает ни один из подписанных договоров. И не будет этого делать до тех пор, пока не почувствует силу. Вот тогда и начнём договариваться. Заново.

Плохая мина при плохой игре

Пока же Западные страны пользуются нашими уступками и слабостью, продолжая наступление, теперь в формате «санкций» и полномасштабной информационной войны. Видимо для фиксации достигнутых «успехов», в самом начале кампании по «изоляции» России, тогдашний канцлер ФРГ Ангела Меркель прибыла в Москву для встречи с Владимиром Путиным¹¹. Весь день телеканалы показывали достаточно дружелюбно настроенных друг к другу политиков, однако никаких прорывов на этой встрече не было, да и быть не могло. Ангела Меркель однозначно дала понять: она прислушивается в первую очередь к Вашингтону и приоритетно исполняет те директивы, которые поступают ей от президента США (на тот момент – Барака Обамы). В итоге визит получился половинчатым, а его суть можно описать известной формулой – попытка сохранить хорошую мину при плохой игре. То есть, посетить Россию в дни празднования победы СССР в Великой Отечественной войне, и в то же время не присутствовать на состоявшемся как раз накануне параде Победы. Эта двойственность характерная для Ангелы Меркель имела для неё, а через неё и для всей Германии, лишь негативные последствия – и со стороны России, чётко фиксирующей подобные демарши, и со стороны Вашингтона, выражавшего недовольство визитами во время санкций в целом. Для Вашингтона всё это было проявлением неповиновения и демонстрацией своеволия со всеми вытекающими последствиями; для России – это слабость позиции, отсутствие суверенитета и какой-либо субъектности, со всей очевидностью демонстрировавшие, что Ангела Меркель подчиняется американскому президенту напрямую.

Из этой двойственной позиции вытекают и все политические последствия: переговоры Путина с Меркель в качестве дипломатического жеста для поддержания неких фоновых отношений – да, это плюс, но никакого прорыва быть не может в силу того, что он запрещён Вашингтоном – и это минус. Минус, прежде всего, для самой Германии. Меркель лучше бы совсем не приезжала в «изолированную» американцами Москву, или уж посетила бы парад Победы, раз приехала. В этом случае в позиции федерального канцлера была бы хоть какая-то последовательность. Тогда обозначилась бы хоть какая-то субъектность, которую Меркель могла использовать во благо, например, восстановив полноценные отношения с Россией через полномасштабное взаимодействие в экономической сфере. Это дало бы огромные преимущества Германии и Европе в целом. Но так как Меркель уже сделала свой выбор в пользу Вашингтона, то и теперь она продолжила придерживаться этой атлантистской линии, что и было продемонстрировано таким вот половинчатым, слабым, невнятным поведением и такой же слабой позицией. Ну а куда ей деваться, ведь у неё, наверное, и выбора-то другого не было? Как и у самой Германии, которую оккупировали США. Не зря же Эдвард Сноуден недвусмысленно намекнул на то, что у Вашингтона есть определённая информация, – сведения деликатного характера и даже компромат на Меркель. С их помощью Соединённые Штаты и держали в повиновении немецкого канцлера все годы её нахождения у власти. Возможно, к этому плюсовалась и финансовая зависимость, в том числе личная? Как бы то ни было, Меркель, выбирая между евразийской ориентацией и ориентацией на Вашингтон, всегда делала выбор в пользу Вашингтона, что, безусловно, лишь ослабляло позицию Германии.

Не стала Меркель обсуждать и большую, по крайней мере, для нас, тему – украинский кризис. А что говорить? Всё, что могла, тогдашний канцлер уже сделала: подписала соглашения в нормандском формате. Дальнейшее участие Европы могло заключаться лишь в настаивании на соблюдении соглашений, подписанных в Минске. Но так как это кризис американский – он принадлежит американцам, создан американцами, и ими же с самого начала поддерживался, –

¹¹ 10 мая 2015 г.

то Европу особо и не спрашивали. У Меркель просто не было никаких полномочий и рычагов влияния ни на одну из сторон. Она, может быть, и была бы рада как-то переломить ситуацию, потому что именно Германия несла основные издержки от украинского кризиса, но Вашингтон не позволил. Это их кампания и, собственно, с ней там никто не считается, дали понять американские кураторы. Оставалось лишь призывать стороны «соблюдать минские соглашения», особенно Россию, которая не являлась стороной соглашений. Что Меркель и делала, ибо на этом её возможности повлиять на ситуацию и хотя бы сохранить «хорошую мину», исчерпались. В итоге «мина» так и осталась плохой.

Воздействие США на Европу

Поняв пагубность воздействия США на Европу, России необходимо действовать симметрично американцам, то есть налаживать контакты не с евробюрократическими структурами ЕС, тотально управляемыми из Вашингтона, а напрямую с отдельными лидерами государств Европы. Тем самым, разрушая монолит американского контроля над Евросоюзом. Это единственно возможный вывод из сложившихся под нажимом Вашингтона обстоятельств, в том числе, для самой Европы. Данная тактика должна стать определяющей в развитии отношений России и Европы – просто налаживать двусторонние связи с лидерами европейских государств, которые важны для России, не обращая внимания на брюссельский обком, дёргаемый за ниточки американским Госдепартаментом.

Здесь-то и определяется наличие субъектности, присутствие исторической воли и суверенитета, характеризующих существование европейских государств: насколько они вообще ещё считают себя государствами, как таковыми, или уже окончательно смирились с ролью инструментария в реализации американских глобалистских авантюр. В такие моменты и проявляется весь драматизм сложившейся в отношениях Европы и США ситуации, испытание Европы на субъектность, ответ на вопрос – сохранилась ли Европа, как цивилизация, а государства Европы как суверенные образования, и присутствует ли в Европе хотя бы остаточная воля к выживанию? Есть ли у Европы сейчас воля и возможность вообще хоть как-то, без оглядки на Вашингтон, самостоятельно определять свой путь?

Европе предстоит выбрать между волевым, субъектным существованием, с одной стороны, либо объектным, марионеточным – с другой. Стагнация Европы подразумевает усилением контроля со стороны Соединённых Штатов, не считающихся с интересами самой Европы. Давно замечено: чем больше Вашингтон управляет Европой, тем хуже у неё дела. Даже в экономике, которая считалась главным преимуществом Европейского союза. Этот колосс на глиняных ногах, экономический монстр, в какой-то момент грозил даже бросить вызов самим США. И что мы видим? США просто в три хода поставили европейской экономике мат. От неё вскоре камня на камне не останется при таком интенсивном участии «американских друзей» в европейских делах. Здесь как раз ситуация взаимообратная: чем больше Вашингтона, тем меньше экономики. Отсюда и новая тенденция в среде европейского бизнеса, связанная, пускай, с несколько наивным, но, тем не менее, вселяющим хоть какую-то надежду ожиданием того, что тут-таки на помощь придут русские, которые поддержат, спасут и возродят разрушенную американцами экономику. Не тут то было! Американцы придумали новую уловку, чтобы не дать европейской экономике подняться: антироссийские санкции. Теперь русские, действительно, Европе уже не помогут. Не только проблемы Греции, но и проблемы других стран, входящих в ЕС, с каждым годом лишь усиливаются, а европейские парламенты покорно голосуют за американские антироссийские... или теперь уже антиевропейские санкции. На этом фоне обострились ожидания того, что вскоре что-то случится уже с самим ЕС. По крайней мере, никто не сомневается в том, что это объединение всё же каким-то образом трансформируется. А вот в какую сторону – время покажет. При этом положительных прогнозов всё меньше.

Кстати, о Греции. Проблемы с ней возникли не только у европейцев, как могло показаться на первый взгляд, но и у американцев. В какой-то момент Греция подала заявку на то, чтобы вести себя суверенно, строптиво грозила переориентацией на Россию, для которой это могло стать неожиданно открывшимся преимуществом, дающим возможность начать говорить о необходимости демонтажа американской Европы – проекта мондиалистского, коим стал Европейский союз, – и создании на месте этого уродливого образования новой Европы народов. Где народы, со своей идентичностью, историей и европейской судьбой будут являться субъектами, а не безликим пространством, управляемым американцами, бесцеремонно экс-

плуатируемым с целью заткнуть дыры в тех авантюрах, которые США реализуют на Евразийском континенте, в Арабском мире, на Ближнем Востоке, в Восточной Европе, да и вообще повсюду. Именно за счёт народов Европы, послушных европейским рабам, которыми они являются в формате нынешнего ЕС, созданного Вашингтоном в качестве альтернативы *Европе народов*, – варианту интеграции, который обсуждался ещё в начале становления Европейского союза в минувшем XX веке. Сегодня у Европы всё же есть альтернатива и она пока ещё в состоянии на ней настоять. Союз Европы с Россией дал бы только преимущества, в то время, как контроль Вашингтона даёт только минусы. Эта логика абсолютно обоснована и очевидна, европейцам нужно просто к ней привыкнуть.

России можно было бы, конечно, закрыть глаза на Европу, плюнуть, и вообще переориентироваться на преимущественное сотрудничество со странами БРИКС¹², если бы она не являлась плацдармом для геополитического наступления на саму Россию. Пока там хозяйничают США, мы имеем проблемы, такие как бандеровская Украина, русофобская Прибалтика, фрондистская Грузия, которую американцы будут до конца времён манить европейской интеграцией. На очереди и другие государства, демонстрирующие своим новым американским хозяевам «европейский выбор», а на самом деле просто покорность вашингтонскому центру принятия решений. Такая *американская Европа* не просто не стабильна, но опасна для России. Мы не можем не обращать на неё внимания. БРИКС – это совсем другое. Это задел возникающего на наших глазах многополярного мира. И в этом мире Европа должна быть освобождена от американской оккупации, чтобы стать ещё одним цивилизационным полюсом многополярной конфигурации, – более справедливой, в рамках которой глобальные решения принимаются на основе консенсуса и в которой Америка не играет доминирующую роль.

¹² Объединение в составе Бразилии, России, Индии, КНР, ЮАР.

Британия грозит: блокировать, запретить, изолировать

Британия, похоже, вошла в режим перманентного составления списков россиян, которым запрещён въезд в Туманный Альбион – будь причиной для этого Крым, Донбасс, или же пресловутое «дело Литвиненко». Последнее является логическим продолжением выводов судьи Роберта Оуэна, занимавшегося рассмотрением дела о возможном убийстве экс-сотрудника ФСБ Александра Литвиненко, с которым, как говорят в Англии, «не исключено», могли быть связаны Андрей Луговой и Дмитрий Ковтун. В докладе Оуэна делался вывод, что само покушение «могло быть одобрено в самых высоких эшелонах российской власти». Именно на основании этих предположений и был составлен очередной список невъездных россиян. МИД Соединённого (пока ещё) Королевства, однако, предусмотрительно предупредил премьер-министра о нежелательности ухудшения отношений с Россией.

Следует разобраться, насколько серьёзно подобные обвинения сказываются на имидже России.

Собственно, имидж России, по крайней мере, на Западе, уже и так предопределён. Дальше идёт лишь подгонка под этот имидж фактуры, подбор в качестве доказательной базы исключительно тех событий, которые его подтверждают. Конечно, никакого отношения к реальному имиджу России это не имеет, но «они художники, они так видят». К тому же имидж России на Западе и во всём остальном мире – это совершенно разные явления. И если уж Запад решил демонизировать Россию ещё во времена царя Ивана Грозного, то будет делать это с упорством, достойным лучшего применения. И здесь от нас мало что зависит. Мы можем вообще не предпринимать никаких действий, а нам будут просто сообщать, в чём мы в очередной раз обвиняемся. Этот процесс, а скорее стихия, к проявлениям которой нам остаётся относиться философски.

Из доклада судьи Оуэна следует, что Британия, вдруг, спустя десять лет после убийства, пошла на очередное обострение отношений с Россией, поэтому англичанам понадобились очередные обоснования для продления антироссийских санкций. Но поскольку на тот момент предъявить было нечего, из пыльного сундука пришлось доставать какие-то замшелые тряпки, поеденные молью материалы, которые с британской щепетильностью были вновь вывешены на всеобщее обозрение со словами: «На основании этого мы продлеваем старые санкции, вводим новые, теперь абсолютно обоснованные, и собираемся назначить кое-какое ещё наказание. О котором пока не скажем. Хотя это может быть, например, запрет на въезд людям, у которых имеются счета или недвижимость в Британии, чьи дети или семьи живут в Лондоне. И они не смогут воспользоваться своими домами, повидать своих близких и даже прилететь на шопинг по британским бутикам». Такой вот тонкий укол, попытка сделать неприятное представителям российских элит.

Несмотря на то, что кроме формулировок из серии, «возможно», «может быть» и «не исключено», других доказательств в опубликованном докладе представлено не было, кара «справедливым» британским судом всё равно была назначена. И кое-кто реально попал в этот, а другие – в следующий, а другие – в следующий списки. Достоверно известно, что в этот список вновь попал... кто попало. Просто пальцем в небо. Посмотрят, «возможно», сюжеты новостей канала RT, чтобы узнать кто наиболее активно высказывается в антизападном ключе, прошерстят, «может быть», ещё раз списки владельцев недвижимости или счетов – и, «не исключено», запретят им въезд. Ибо нечего. Расчёт делается на то, что некоторые представители российских политических и финансовых элит, выказывая недовольство подобными мерами, нет-нет, да и обратят свой гнев на главу государства. А значит, по замыслу британских судей, создадут некую напряжённость в элитах, пытаясь воздействовать на президента с

требованиями уступок: сдачи позиций России на международной арене, апеллируя к тому, что «мы вот сейчас всего лишимся, а это так нехорошо...»

Конечно, британцы могут придумывать всё новые санкции против России, но где Британия, – попробуйте-ка разглядеть её на карте мира, – и где Россия с её союзниками – Китаем, Индией, Ираном, Египтом и примкнувшей к ним Турцией. Можно вообще запретить въезд всем россиянам, да и вообще – изолировать себя от большей части государств евразийского континента. Но неизвестно, кому от этого будет хуже. Запретить Россию тоже, конечно, можно, но с таким же успехом можно запретить солнцу светить. Изолянты, как говорится, не хватит. Британия, конечно, «пуп земли», «венец творенья», «центр цивилизации», но считать изолянт её политики пока не разучились.

В отношении России можно выдвигать ещё много обвинений, будь то недоотравленные Скрипали, химические атаки или нашествие зелёных человечков, обвинения в коррупции, несоблюдение прав человека, да и вообще, обвинения во всех смертных грехах, – всё это уже давно навязло на зубах. Но так можно вообще прекратить любое дипломатическое и политическое сообщение с Россией? Тогда следом нужно просто закрыть посольство Британии в Москве и освободить здание. Маловероятный шаг, по крайней мере, до тех пор, пока Британия не объявила, например, войну России. Но даже в этом случае, прекращать дипломатические контакты контрпродуктивно, ибо как тогда Британия будет шпионить и сдерживать Россию изнутри, чем она занимается ещё со времён царя Ивана Грозного?

Санкции Британии в отношении России – это что-то вроде наказания за преступление, по которому нет, и не может быть приговора, в силу отсутствия не только доказательств, но и состава преступления. Поэтому наказание носит косвенный характер. При этом, наказание очень подлое. Ведь они же бьют по самому дорогому: по тому, что «нажито непосильным трудом» – по недвижимости, счетам, доступу к семьям. Тут, с одной стороны, нет никакого юридического оформления наказания, с другой стороны, – это неюридическое воздействие, создание неприятных эмоциональных ощущений, лишение доступа к материальным благам – одним словом попытка заставить элиты роптать. Этакое мягкое давление – реализация стратегии soft-power для дестабилизации не только общества (посредством цветных революций, как это делается регулярно по всему миру), но и элит. То есть нагнетание внутриэлитной напряжённости путём лишения части элиты их материальных активов посредством санкций.

Некоторые британские СМИ с удовольствием смаковали формулировку о том, что опубликованный доклад, – «это тень на России на десятилетия», но буквально на следующий день о нём все забыли! Подобные меры воздействия эффективны против слабого государства, которое постоянно извиняется, идёт на уступки, сдаёт свои позиции. Такому государству можно предъявить всё, что угодно, собственно этим британцы и занимаются, штампуя обвинения пачками. Но всё это совершенно не имеет смысла против нынешней России, сильной и суверенной.

Мы переломили ситуацию своей сильной позицией – разгромом ДАИШ¹³, созданием военных баз в Сирии, сотрудничеством с Ираном, формированием антиамериканской коалиции государств на Евразийском континенте, и, наконец, Специальной военной операцией на территории бывшей Украины. Россия давно уже выдвинулась за пределы Евразии, мобилизует своих союзников в Латинской Америке и в Европе. С такой Россией бесполезно разговаривать с помощью санкций или каких-то списков. Тем более с помощью таких вот постановочных, разваливающихся на глазах процессов типа дел Литвиненко или Скрипалей. Всё это воспринимается как комариный укус. Потому что ситуация кардинально изменилась – геополитическая картина мира, исторические процессы сегодня складываются не в пользу глобализации.

Всё, что мы сейчас наблюдаем со стороны Британии и Запада в целом – это попытка расшатать слабеющую, как они считают, Россию. Запад предполагает, что успехи последних двух

¹³ Запрещенная в России террористическая организация.

десятилетий нужно просто довершить какими-то точечными ударами, окончательно разгромив российскую элиту, посеяв среди её представителей смуту и даже панику, заставив людей изменить своей стране. (что англичанам не раз уже удавалось прежде). И, таким образом, уже окончательно добить российскую государственность. Но не смотря на все усилия британцев, ситуация развивается совершенно в другом направлении, она оказывает обратный эффект. Так что самые изощрённые усилия лондонских шулеров – санкции и выпады в виде запретительных списков на въезд – теряют смысл. Теперь всё будет по-нашему, а они вынуждены будут подстраиваться. Британию же надо вообще запретить и изолировать от остальной части человечества, введя предварительно тотальные санкции.

Дружба себе в убыток: отказ от сотрудничества с НАТО

Говоря в целом об отношениях России, Европы и НАТО, особенно учитывая, что они были прерваны после событий августа 2008 года в Южной Осетии, необходимо в первую очередь поставить вопрос о том, насколько нам вообще нужны эти отношения? Есть ли перспективы у самого блока НАТО после четырёх лет правления в США антиглобалиста Дональда Трампа, и кто сегодня больше нуждается в возобновлении этих отношений? Ставя под сомнение полезность НАТО для Европы, вместе с тем ни на минуту не приходится сомневаться в том, что Россия в этом сотрудничестве только теряет. После нашего разрыва руководство НАТО не переставало предпринимать усилия, чтобы сподвигнуть российское руководство к возобновлению сотрудничества. Но то, что от любого соприкосновения с НАТО мы несём лишь серьёзные потери – совершенно очевидно.

Следует напомнить, каким образом развивался процесс разрыва отношений России и НАТО. События августа 2008 года стали его отправной точкой. Весной 2009 американцы выслали двух наших дипломатов, обвинённых в шпионаже. Затем последовали учения НАТО в Грузии и другие недружественные шаги, вплоть до нагромождения старой американской техники у наших границ в Прибалтике опять же под предлогом учений. Всё это стало хорошим поводом окончательно закрыть тему сотрудничества Россия-НАТО хотя бы потому, что, как сказал однажды Путин, сегодня «Америка – великая держава. Сегодня, наверное, единственная супердержава. Мы это принимаем»¹⁴

¹⁴ Путин назвал США единственной сверхдержавой // РБК, 2016. —<http://www.rbc.ru/politics/17/06/2016/5763fd629a79474315e898d7>

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.